© 2019. В. Ю. Троицкий
г. Москва, Россия

Национальное самосознание в русской поэзии 1816–1821 гг.

Аннотация: Статья посвящена русской поэзии 1816–1820-х гг., путям и формам выражения национального самосознания в литературе указанного времени. В течение нескольких лет после Отечественной войны в русской литературе отражался пафос большой победы, радостные чувства. Обращаясь к стихотворениям Вяземского и Жуковского, автор статьи рассматривает воплощенные в них лучшие коренные черты русского национального характера — незлобие, милосердие. Высота нравственного чувства признаётся поэтами первейшим достоинством не только в мирное время, но и в любой чрезвычайной обстановке, в том числе и во время военных действий. В статье отмечается, что самосознание и настроение русского общества после победы над Наполеоном, при всём разнообразии мнений, сосредоточивалось на чувстве народного единения. Однако сложная внутренняя жизнь нации требовала уже не только ответов на уровне политических оценок, но духовно-нравственного бдения, движения мыслей и чувств. В работе дается представление о пути России и осмыслении ее миссии в стихотворениях русских поэтов, об образе государя, отношении к нему. Автор анализирует религиозные мотивы в творчестве ряда русских поэтов, а также И. А. Крылова, мораль которого, могущая показаться на первый взгляд несколько поверхностной, на самом деле, является глубоко связанной с православными ценностями, утверждает их.

Ключевые слова: русская поэзия, Отечественная война, национальные ценности, самосознание, духовно-нравственные основы, Пушкин, Вяземский, Жуковский, Батюшков, Крылов

Информация об авторе: Троицкий Всеволод Юрьевич, доктор филологических наук, профессор, академик Российской народной академии наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069, г. Москва, Россия

E-mail: info@imli.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 14.08.2019

Дата публикации статьи: 10.12.2019

Для цитирования: Троицкий В. Ю. Национальное самосознание в русской поэзии 1816–1821 гг. // Два века русской классики. 2019. Т. 1. № 2. С. 08–35. DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-2-08-35

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019. Vsevolod Yu. Troitsky
Moscow, Russia

National identity in Russian poetry 1816–1821

Abstract: The article is devoted to Russian poetry of the 1816-1820s, the ways and forms of expressing national identity in the literature of the indicated period. For several years after World War II, Russian literature reflected the pathos of the great victory, joyful feelings. Appealing to the poems of Vyazemsky and Zhukovsky, the author of the article considers the best fundamental features of the Russian national character embodied in them - kindness, mercy. The height of morality is recognized by poets is recognized by poets as the first dignity not only in peacetime, but also in any emergency, including time of hostilities. The article notes that the self-consciousness and the mood of Russian society after the victory over Napoleon, with all the diversity of opinions, focused on a sense of national unity. However, the complex inner life of the nation required not only answers at the level of political assessments, but also a spiritual and moral vigil, the movements of thoughts and feelings. The work gives an idea of the Russian path and the interpretation of its mission in the poems of Russian poets, the image of the sovereign, the attitude towards him. The author analyzes the religious motives in the works of a number of Russian poets, including I. A. Krylov, whose morality, which at first glance seems somewhat superficial, in fact, is deeply connected with Orthodox values, confirms them.

Keywords: Russian poetry, World War, national values, self-awareness, spiritual and moral foundations, Pushkin, Vyazemsky, Zhukovsky, Batyushkov, Krylov

Information about the author: Troitsky Vsevolod Yuryevich, DSc in Philology, Professor, A. M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069, Moscow, Russia

E-mail: info@imli.ru

Received: August 14, 2019

Published: December 10, 2019

For citation: Troitsky V. Yu. National identity in Russian poetry 1816–1821. Two centuries of the Russian classics, 2019, vol. 1, № 2, pp. 08–35. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-2-08-35

Представление о литературе прошлого нередко несёт на себе отпечаток субъективных мнений её толкователей. Поэтому необходимо взглянуть на неё глазами тех, кто были её творцами, имея в виду их переживания и суждения о современных им событиях национальной истории. Предметом нашего рассмотрения будет русская поэзия 1816–1820-х гг., а именно — пути и формы выражения национального самосознания в русской поэзии этих лет. Эта тема особенно актуальна в современных условиях, при целенаправленном и интенсивном распространении ложных мнений об истории, активно внедряемых системой глобалистской дезинформации.

Состояние национального сознания по окончании Отечественной войны 1812 г. было периодом переосмысления жизни, когда многое стало восприниматься в свете победного завершения освободительного похода в Европу. Осознание происшедшего совершалось по-разному, хотя и в русле основных национальных представлений и традиций, иногда вполне сливаясь с ними, иногда от них отталкиваясь. Сложная внутренняя жизнь нации требовала осмысления и отклика не только на уровне политических оценок, но более всего — со стороны внутренних духовно-нравственных движений мысли и чувства, со стороны характера мироощущения и поведения личности в период противоречивых на неё воздействий, непривычных обстоятельств и часто привнесённых извне идей. Новые, далеко не всегда соприродные национальным традициям представления, с одной стороны, искушали своею новизной и усваивались восприимчивым русским сознанием как то, что представляет собой недостигнутую ступень, некий новый уровень, с другой — такие представления нередко вызвали внутреннее сопротивление не только своею непривычностью, но и чужеродностью тем устоям, которые составляли коренные, органические черты национального мировосприятия.

Спустя два года после знаменательного дня, торжественно завершившего ответный поход русских войск в Европу, настроение русского общества всё ещё было насыщено отзвуками того победного времени. Свидетели православного торжества 29 марта (11 марта) 1814 г. помнили царя Александра I, стоящего на площади Согласия перед походным алтарём. Он был установлен на месте, где в 1793 г. был казнён христианский король Людовик XVI и где в день коронации Наполеона в 1804 г. пламенела красная пятиконечная звезда, символ масонства. «В ту пасхальную ночь на площади стояли батальоны православного воинства и полковые священники возглашали: “Христос Воскресе!”, на что многотысячный хор русских ратников отвечал: “Воистину Воскресе!”» [Кубенский: 98].

О незабвенный день! Смотрите — победитель
С обезоруженным от ужаса челом,
Коленопреклонён на страшном месте том,
Где царский мученик под острием секиры
В виду разорванной отцов своих порфиры
Молил Всевышнего за бедный свой народ,
Где на дымящийся убийством эшафот
Злодейство бледную свободу возводило,
И Бога поразить своей хулою мнило, –
На страшном месте том смиренный вождь царей
Пред миротворною святыней алтарей
Велит своим полкам склонить знамёна мщенья [Жуковский: 207].

Незабываемые дни сами по себе были словно воплощением высокой одической поэзии, торжеством православного духа. Этот вдохновенный патетический настрой сохранился в литературе и к 1816 г. Но в поэзии этого времени отчётливей слышались иные ноты: православное умиротворение и человеческое сочувствие тем, кто несколько лет до того явился в Россию завоевателем среди солдат наполеоновской армии; добрая благожелательность и человеческое отношение к недавнему врагу утверждали традиционные черты русского характера. Эти черты ещё накануне 1816 г. были запечатлены А. С. Пушкиным в «Воспоминании в Царском Селе»:

Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель пришлеца,
Отяготела днесь на их надмненны выи
Десница мстящая творца.
Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,
Их кровь не престаёт в снегах реками течь;
Бегут — и в тьме ночной их глад и смерть сретают,
А с тыла гонит русский меч...

В Париже росс! — где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядёт с оливою златой.
Ещё военный гром грохочет в отдаленье,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он — несёт врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле» [Пушкин: 88].

Созвучное с этим пожелание П. А. Вяземского итальянцу, возвращающемуся в Отечество, исполнено не только мирных, но и дружественных чувств:

Да жизни пред тобой всегда светлеет путь,
Да радость и любовь чело твоё венчает,
Но северных снегов не позабудь!
В стране, где гордый Тибр златые катит воды,
Где Капитолиум вознёс свою главу,
Вспомни прах Кремля, сей памятник свободы,
Вспомни славную в падении Москву!
Иди, куда тебя отца зовут моленья;
В объятиях согрей ты старческую грудь,
Но в первой радости любви и умиленья
Нас, северных друзей, не позабудь [Вяземский: 173].

Так, в стихотворении П. А. Вяземского проявляется типическая черта русского национального характера — незлобие, многочисленные примеры которого и в грозные дни Отечественной войны 1812 г.

были всем хорошо известны. Те же настроения и та же мысль сквозит в стихотворении В. А. Жуковского «На первое отречение от престола Бонапарта».

Те же настроения и та же мысль сквозит в стихотворении В. А. Жуковского «На первое отречение от престола Бонапарта»:

И честь тому — кто верный чести,
Свободе меч свой посвятил,
Кто в грозную минуту мести
Лишь благодатию отметил... (1816) [Жуковский: 271]

Истинная слава неразрывна в русском национальном сознании с православным представлением о милосердии, о любви к добру и смирении перед Промыслом, дающим победу. Поэтому победителю не пристало кичиться своим превосходством. Таков пафос стихотворения Жуковского «Императору Александру»:

О русская земля! Спасителем грядёт
Твой царь к низринувшим царей твоих столицу;
Он распростёр на них пощады багряницу;
И мирно славу скрыв, без блеска, без громов,
По стогнам радостным ряды его полков
Идут — и тишина вослед им прилетает...
Хвала! хвала, наш Царь! стыдливо отклоняет
Рука твоя побед торжественный венец!
Ты предстоишь благий самих врагов отец,
И первый их с землёй и с небом примиритель...

...О Вечный! Осени смиренного державу;
Его душа чиста: в ней благодать лишь одна,
Лишь пламенем к добру она воспалена... [Жуковский: 208].

Эти же настроения свойственны и И. М. Долгорукому, воспевающему современников и, несомненно, намекающему на события, связанные с завершившейся недавно кампанией:

... Чья слава может во вселенной
Равняться с подвигом того,
Который склонностью врожденной
Удобен жертвою всего:
Отвесь злодея мстящу руку,
Смягчить страдальца тяжку муку,
И грудь его к своей прижать?
Не чванства гордыми хвалами,
Но благодарности слезами
Трофей негибнущий стяжать [Долгоруков: 98].

Как и в предшествующих стихах, здесь указаны коренные черты русского национального характера — великодушие и милосердие, называемые «склонностью врожденной». Именно высота нравственного чувства признаётся русскими поэтами первейшим достоинством не только в мирное время, но и в любой чрезвычайной обстановке, в том числе и во время военных действий. Такой традиционный взгляд на мир, свойственный русским людям, невольно обращает нас к уже упоминавшемуся ранее стихотворению В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов», в котором после одических славословий достойным всяческих почестей и похвал русским полководцам, вождям русской армии, выступившей против наполеоновских захватчиков-поработителей, — слышатся слова примирительные, обращающие всех и каждого к духовной брани, к исполнению нравственного долга, без которого все военные победы неизменно падают в цене и даже вовсе обесцениваются в глазах русского человека:

А мы?.. Доверенность к Творцу!
Что б ни было — незримый
Ведёт нас к лучшему концу
Стезёй непостижимой.
Ему, друзья, отважно вслед!
Прочь, низкое! Прочь, злоба!
Дух бодрый на дороге бед,
До самой двери гроба;
В высокой доле — простота;
Нежадность — в наслажденье;

В союзе с ровным — правота,
 В могуществе — смирение.
 Обетам — вечность; чести — честь;
 Покорность — правой власти;
 Для дружбы — всё, что в мире есть;
 Любви — весь пламень страсти;
 Утеха — скорби; просьбе — дань,
 Погибели — спасенье;
 Могущему пороку — брань,
 Бессильному — презренье;
 Неправде — грозный правды глас;
 Заслуге — воздаянье... [Жуковский: 164].

Эти строки в известном отношении передают основной пафос нравственного сознания русского человека и, конечно же, — пафос русской поэзии. Читая их, глубже осознаёшь пронизательные слова В. Г. Белинского о поэте, который дал «русской поэзии душу и сердце». Во всём этом отразилась и особенность русского мировосприятия, освящённого прежде всего душевно-духовным и сердечным отношением к миру, в чём постоянно приходится убеждаться, читая русскую поэзию, в том числе — первых десятилетий XIX в. Вполне созвучны в этом отношении поэзии В. А. Жуковского и стихи К. Н. Батюшкова «Мой гений» (1816):

О память сердца! Ты сильнее
 Рассудка памяти печальной,
 И часто сладостью своей
 Меня в стране пленяешь дальней [Батюшков: 220].

Для поэта «память сердца», соприродная духовной культуре и культуре чувств, не только сильнее, но значительней самых умных умствований, ибо в ней отражён опыт непосредственных человеческих эмоций и впечатлений, которые гораздо глубже, чем меняющиеся со временем мнения, чем сиюминутный взлёт мысли, самонадеянный плод текущих представлений и рассуждений, готовых смениться другими, как только рассудок доставит новые доводы размышлению. Поэтому в стихотворении «Пробуждение» (1816) поэт возвращается к

аналогичной мысли, отдавая предпочтение добродетелям сердца перед добродетелями ума:

...Ничто души не веселит,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый ум не победит
Любви холодными словами... [Батюшков: 231]

И в этом вовсе нет, в сущности, унижения ума, но выражена поэтически мысль о непреходящем, а иногда и определяющем значении «памяти сердца», гораздо теснее и глубже связанной с преданием, чем наблюдения холодного рассудка.

Предание как форма воплощения культурной традиции, сосредоточивая богатый духовный исторический опыт, содержит то ценное, что значительней и выше мысленного суда, рассудка, ограниченного временем, своими возможностями и политическими пристрастиями. Ибо оно вмещает существеннейшую часть исторического опыта поколений, те озарения и открытия, которые становятся путеводною звездой к истине исторического пути народа. Неслучайно всё большее внимание поэтов привлекают полотна из отечественной истории; на них возрастает сознание исторического бытия как неперменной основы национального сознания.

К этому времени во взглядах русского общества уже вполне утвердилась убежденность во всемирно-историческом значении событий, в которых принимает участие Россия. Среди характерных в этом отношении стихотворений — «Переход через Рейн» (181#–1817) К. Н. Батюшкова.

Начинающееся с воссоздания восторженного настроения воина-участника похода, оно развёртывается в широкую панораму исторических картин, возникающих в воображении поэта. В движении событий, в смене лет и эпох проходят перед читателем одна за другой картины прошлого, образы «событий всех времён». Тут и период римского владычества, здесь и следы великого Цезаря, знаменитые военные победы которого обращают воспоминание к этим же рейнским местам. Наконец в этих же местах утверждалось на путях христианства легендарное рыцарство, с его кодексом чести, оставшемся как предание в памяти народов.

Века минули: мир крестом преображён;
Любовь и честь в душах суровых пробудились, –
Здесь витязи вооружились
Копьём за жизнь сирот, за честь прелестных жён;
Тут совершались их турниры,
Тут бились храбрые — и здесь
Не умер, мнится, и поднесь
Звук сладкий трубадуров лиры [Батюшков: 320].

Этот край — одна из важнейших областей, в которой происходили события европейской истории и уже потому достойны поэтического воссоздания, «и вид полей, и вид священных вод, / Туманной древности и бардам современных, / Для чувств и мыслей дерзновенных / И силу новую, и крылья придаёт» [Батюшков: 321].

Такие чувства и такое отношение свидетельствуют не только о понимании, но об осознанном переживании европейской истории, воспринимавшейся мыслью русского поэта как соприродная ему, как история народов, среди которых и его народ занимает достойное место. Такое восприятие позволяет глубоко чувствовать отношение к событиям и настроениям недавнего прошлого, когда берега здешних вод стенали под ордами нового Атиллы-Наполеона:

Давно ли земледел вдоль красных берегов,
Средь виноградников заветных и священных,
Полки встречал иноплеменных
И ненавистный взор зарейнских сынов? [Батюшков: 322].

Тем очевиднее для поэта и читателя то восторженное настроение, которое совместно испытали освободители и освобождённые, когда настал «час судьбы» и «под знаменем Москвы, с свободой и громами» воины России

Стеклись, нагрянули, за честь своих граждан,
За честь твердынь и сёл, и нив опустошённых
И берегов благословенных,
Где расцвело в тиши блаженство Россиян,

Где ангел мирный, светозарной,
Для стран полуночи рождён
И провиденьем обличён
Царю, отчизне благодатной [Батюшков: 320].

Живая панорама движения полков по берегам Рейна, поросшим лесом; картины походной жизни и на привале неожиданные встречи соотечественников, разлучённых в ратном деле, и походные сцены, исполненные массой предметных деталей полкового быта и тем не менее сохранившие главное, внутреннее, сокровенное настроение воинов, сердцем привязанных к далёкой Отчизне и к Господу, составляют внутреннее содержание стихотворения. Последние яркие сцены предшествующие изображению мощного движения рати, устремляющейся далее «по манию вождей», — отражают именно эти глубокие и сокровенные настроения русского войска, каждого ратника, думы которого неизменно обращены к Отчизне:

Быть может он воспоминает
Реку своих родимых мест —
И на груди свой медный крест
Невольно к сердцу прижимает... [Батюшков: 323].

Это внутреннее благоговение перед святым передано поэтом и в изображении молитвы воинства накануне продолжения похода:

Все крики бранные умолкли, и в рядах
Благоговение внезапно воцарилось,
Оружье долу преклонилось
И вождь и ратники чело склонили в прах:
Поют Владыке Вышней Силы,
Тебе, подателю побед,
Тебе, незаходимый свет!
Дымятся дымные кадилы [Батюшков: 324].

Только воссоздание внутреннего настроя ратников в сокровенном слиянии чувств, исполненных святою верою и неизменной любовью к далёкой отчизне, — даёт истинное переживание смысла последних

стишок стихотворения, обращённого к Рейну, по берегам которого движутся воины-освободители:

Твой стонет брег гостеприимной,
И мост под воями дрожит!
И враг, завидя их бежит
От глаз в дали теряясь дымной! [Батюшков: 324]

С этим внутренним настроением и осуществляются провиденциальные судьбы людей и народов на их историческом пути, мгновение которого запечатлено здесь К. Н. Батюшковым.

Исторический путь свершается благодатно, если народу присуще чувство долга и он следует священному преданию. В упомянутом стихотворении В. А. Жуковского «Императору Александру» народ становится победителем, ибо он «могучий и смиренный», величие его обеспечивает правда-справедливость благих целей и усилий, которыми он живёт:

И грозно в бой пошла с насилем свобода!
Тогда явилось всё величие народа,
Спасающего трон и святость алтаря алтарей,
И тихий гроб отцов, и колыбель детей
И старцев седины, и младость дев цветущих,
И славу прежних лет, и славу лет грядущих. [Жуковский: 203].

Но народам, пренебрегающим законом, провозглашает в своём стихотворении один из современных Жуковскому стихотворцев, даже сама «Европа изумлена» бросает горькие укоризны:

Вы, чада Франции, я призываю вас,
Вы, человеки: — вы услышите мой глас!..
Доколе будете кровь ближних лить рекою
И грудь мне раздирать злодейскою рукой?
...Французы! Долго ль вам врагами быть вселенной?
Доколь народов всех проклятие носить?.. [Авраамов: 6].

Продолжая свои упрёки французам, Европа напоминает им о безумных походах и войнах, памятниках их высокомерной злобы, о полях

сражений, приявших «тьмы братий падших там», наконец — обращается к причине всех зол, олицетворяя их в образе единого человека, принесшего французам «народов ненависть, в семействах токи слёз». Далее следует — воззвание к царю Россов с призывом — сокрушить злобу и заверение в том, что если бы этого не произошло, — несчастья охватили бы всю Европу, захлестнутую безнравственностью и беззаконием:

Ах, внедрится тогда безбожная свобода
В грудь каждого ему подвластного народа;
И идолу сему на жертву принесут
Не брение одно, но честность, правый суд,
Невинность, простоту, стыд, совесть, добры нравы,
Согласие семейств, общественны уставы,
Приверженность к царям, к отечеству любовь... [Авраамов: 20].

Речь, как видим, идёт не о свободе, духовно освящённой, но о «безбожной свободе», об идоле свободы, которому приносятся в жертву добродетели: невинность, стыд, «добры нравы», общественные установления, наконец, — преданность царю и Отечеству. Поэтому возникают в стихах поэтов той поры страстные призывы к потомкам — быть верными преданию, как, например, в элегии М. Лобанова «При гробе князя Смоленского»:

...О сын мой! В сем храме
над грозным сим прахом
Клянись — да сойду я спокойно во гроб —
Злодеев, как язвы, чуждаться со страхом,
Разливших по миру разврата потоп.
Примеры их — гибель; ученье — отравы:
Язык их хулою святынь изошрён.
Безбожье, измена и буйство — их слава:
Блюдись, да не будешь в их сеть уловлён... [Лобанов: 106].

У И. Долгорукого горячий порыв к верности Отечеству сочетается с молитвенно просьбою к Господу — укрепить народ в отеческой вере:

...Всевышний! Ты явил и в рай и в ад пути;
Дай силу совести по первому идти,
На Камне Веры став! Потщимся мы в печалах
Глубоко начертать на умственных скрижалях
Урок Спасителя, идущего на страсть!
Бди крепко — и молись — да не впадёшь в напасть! [Долгоруков:116]

Подобные проникнутые светлой верою настроения сопровождают патриотическую лирику тех лет. Таково и «Благодарение Всевышнему, даровавшему победу на всеобщего врага» И. Е. Срезневского:

К Тебе, Господь, моё моление
Мы воссылали в лютых днях;
Тебе теперь благодаренье
Приносим в наших торжествах
.....
Ты нас любя и наказуя
И днесь на нас врага послал;
Но славу нашу показуя,
Над ним победу даровал... [Срезневский: 74–75]

Победа, дарованная народу, воспринимается поэтами как благодатная, ибо она соприродна благим, то есть добрым помыслам победителей. О сохранении и утверждении этих добрых помыслов и воссылаются мольбы ко Господу как, например, в стихах В. А. Жуковского 1818 г., входящих в письмо А. И. Тургенева князю П. А. Вяземскому. «В богатый замен письма, которое я не успел кончить по милости Жуковского, — пишет А. И. Тургенев, — вот тебе стихи его, которые он прибавил к гимну «Боже, царя храни...»:

Перводержавную
Русь православную,
Боже, храни!
Царство ей стройное
В силе спокойное!
Всё ж недостойное
Прочь отжени!

Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!
Воинам — мстителям,
Чести спасителям
Миротворителям —
Долгие дни.
Мирных воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!
Жизнь их примерную,
Нелицемерную,
Доблестью верную
Вспомяни.
О, Провидение!
Благословение
Нам ниспошли.
К благу стремление,
В скорби терпение
Дай на земли!... ¹

Итак, победа и слава в русском национальном самосознании неизменно связываются с понятиями: добро, справедливость, истинная свобода, любовь, милосердие, благочестие, — короче — с понятиями добродетели и блага ближнему и, кроме того, с понятиями долга как необходимой личной причастности к общему благому делу. И поэтому все лирические сцены, отражённые в поэзии тех лет, как правило, пронизаны мыслью о том, что нет ничего земного выше любви к Отечеству. Так, например, стихотворение В. Раевского «Прощание воина с милой», в котором лирический диалог воина, собирающегося в ратный поход, и его возлюбленной, сетующей о предстоящей разлуке, завершается словами, обращёнными к деве:

Россиянке ли страшиться
Друга в брани потерять.

¹ Письмо А. И. Тургенева кн. П. А. Вяземскому. 22 ноября 1819 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. Спб. 1899. С. 176–177.

Есть ли здесь мы разлучимся,
увидимся опять [Раевский: 89].

Подобные настроения и образы типичны для русской поэзии. Таковы и «романс» Д. Глебова (1817), «Прощание Славянки с любимым, отъезжающим на войну» П. Политковского (1818) и др.

Парижский триумф 1815 г., патриотический порыв тех памятных лет, когда молодой император, победитель Наполеона, стал во главе Священного Союза, объединившего христианских государей Европы в их противостоянии «слугам антихриста»; Ахенский (1818), а затем и Троппауский (1820) съезды союзников, — всё это вполне отвечало национальному единению на основе самодержавного мироустройства, тому единству, в основе которого было ощущения державной имперской России и верноподданности православному государю. В известной части общества образ царя-воина, царя-освободителя, сеющего щедрою рукою добро, милосердного к врагам и отзывчивого к нуждам Отечества, в это время достиг своего апогея.

Самосознание и настроение русского общества после победы над Наполеоном, при всём разнообразии мнений, сосредоточивалось на чувстве народного единения. Неслучайно 1 января 1816 г. был опубликован «Манифест Высокомонаршей признательности народу за оказанные в продолжении войны подвиги». В этом манифесте, несомненно нелицеприятном документе, имелась в виду всесословная Россия, всё многосословное общество, в котором господствовал «русский дух». Это качество, чуждое социально-классовым представлениям об обществе, реально проявилось в годы испытаний Отечественной войны и послужило цементирующим основанием в период, ближайший после её победоносного завершения.

Здесь невольно вспоминаются слова, сказанные много позже знатоком русской истории И. Е. Забелиным: «Русский дух пошире сословной вражды, сословных интересов» [Забелин: 11]. Однако же несмотря на известное единство настроений, уже к 1816 г. в обществе были заметны признаки недовольства, указывающие на противоречия императора «с общественным мнением и особенно с армией после окончания военных действий, вызванных нежеланием правительства проводить либеральные реформы» [Ячменихин: 40]. В известной степени это настроение были следствием влияния западных «либеральных» идей,

подпитанных заграничными контактами во время антинаполеонского похода в Европу. Эти во многом умозрительно воспринятые идеи не соотносились, как правило, с традициями и условиями русской действительности и были скорее соблазном, чем примером для разумного заимствования. Однако они возбуждали смутные настроения.

Вместе с тем православный царь как помазанник Божий, царь-батьюшка, раб Царя Небесного и исполнитель Его воли в защите христианских святынь и монархий, — представлял в народном сознании современников в известного рода политической и поэтической завершенности. Неслучайно вызревает идея «административного оформления» государственной веры, нашедшая выражение в Манифесте об учреждении Министерства духовных дел и народного просвещения (1817)¹.

В. А. Жуковский был одним из тех, кто наиболее откровенно выразил свои нелицеприятные для тех лет, искренние чувства любви к государю:

О дивный век, когда певец Царя — не льстец,
Когда хвала — восторг, глас лиры — глас народа;
Когда всё сладкое для сердца: честь, свобода,
Великость, слава, мир, отечество, алтарь —
Всё, всё слилось в одно святое слово: Царь! [Жуковский: 210].

Несомненная искренность поэта зиждилась на глубокой религиозной вере и убеждённости в том, что Государь — помазанник Божий; ведь именно в прошедшей войне с антихристом-Наполеоном он определённо стал представителем православного мира, исполняющим миссию православного царя. Этим и объясняется непосредственность поэтически выраженных сокровенных чувств поэта.

Непосредственное, духовное чувство любви к России и государю, ведомое русскому сердцу, в полноте своей недоступно пониманию чужеземцев; оно непонятно и невольникам своих страстей, расчётов

¹ Это министерство не оправдало возлагавшихся на него надежд, ибо стало центром консолидации антиправославных духовных «исканий» в масонском духе, чему более всего способствовал министр, князь А. Н. Голицын, бывший одновременно сенатором и членом Государственного Совета. В конце концов Александр I был вынужден закрыть министерство.

и выгод, лишённых чистосердечного порыва. Об этом и писал князь И. М. Долгоруков:

О вы, ревнующие доле
Благополучных наших стран
И влачущиеся в неволе!
Познайте сердце Россиян!
Не сила скиптра нас лишь клонит,
Не бич на ратно поле гонит,
Как стадо трепетных овец;
Из царских уст довольно слова,
Народ в ружьё — вся Русь готова, —
Не страшен жизни нам конец [Долгоруков: 79].

То же настроение в стихотворении Фёдора Глинки:

Служа в полях под знаменем чести
Не знает русский воин лести.
...О Царь! Наш вождь, надежда наша!
Тебе сия заздравна чаша!

Мы выпьем так, как пили деды,
За край родимый, за царя,
Как пили сами — в дни победы,
Когда кровавая заря
Над полем битвы в тучах рдела
И смерть на всех равно глядела [Глинка: 117–118].

В его же стихотворении «Песня Русских воинов перед сражением» (1817) вновь звучат мысли, связывающие воедино царя и Россию: «Друзья! На смертный пир! / За честь царя, отчизны / Жалеть не должно жизни...». То же и в прощальной песне воспитанников императорского Царскосельского лицея» А. А. Дельвига, у Б. Фёдорова в стихотворении «Дифирамб» (1818).

Славословие императору не было лестью, ибо среди мыслящей части общества большинство составляли те, кто был безусловно убеждён: «только сею любовью к Отечеству производятся великие люди»

[Свиньин: 142]. Между тем освобождение России от наполеоновского нашествия и ещё в большей степени — завершение победного похода в Европу прочно связывалось с именем царя Александра I. И его имя, освящённое верою, воспринимало отблеск этой веры.

Одновременно чужеродные семена неверия и либерализма то там, то здесь давали свои плоды, и к концу 1810-х гг. уже можно было заметить, что в поэзии, вдохновлённой национальным сознанием единства, блага, славы и веры, появлялись тревожные нотки по поводу нигилистических идей, подтачивающих основы русского державного самосознания. Наконец, в отдельных стихах некоторых поэтов проскальзывают и бунтарские мотивы, отражавшие зачастую рост чужеземных влияний. В записках Ф. Ф. Вигеля эти процессы достаточно точно определены: «Я видел, как прежний розовый цвет либерализма стал густеть и к осени переходить в кроваво-красный...». И далее повествует о том, как «в одном холостом, о весёлом обществе, где было много офицеров» вдруг запели «на голос известной в самые ужасные дни революции песни» «*Vaillons au salut de l' empire*» («Будем на страже спасения Империи»); богомерзкие слова её, переведённые надменным и жалким поэтом (слова эти, несомненно, выражают отношение Ф. Ф. Вигеля к политическому содержанию песни. — В. Т.) полковником Катениным по какому-то неудовольствию недавно оставившим службу <...> Они меня так поразили, что остались у меня в памяти, и я передаю их здесь, хотя не ручаюсь за верность» [Вигель: 159]. Вигель, надо полагать, слышал катенинский гимн в 1820 г., хотя он был написан, вероятно, несколько ранее. В нём уже ощущается преддверие декабристских настроений:

Отечество наше страдает
Под игом твоим, о, злодей.
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей.

Свобода! Свобода!
Ты царствуй над нами!
Ах, лучше смерть, чем жить рабами, —
Вот клятва каждого из нас [Катенин].

Среди писателей 1816–1821 годов, вполне выразивших важнейшие черты национального самосознания времени, возвышается монументальный образ И. А. Крылова. Основной жанр поэта — басня, на первый взгляд, представляется нейтральной к тому, что обычно имеют в виду под национальным самосознанием. Но даже в отношении политики это неверно. Отражённая в крыловском басенном творчестве многосторонность взглядов и отношений, характеры героев, типические столкновения и, наконец, своеобразие и тон моральных назиданий и басенных выводов, несомненно передавали отличительные черты национального самосознания. Сам подбор басенных сюжетов о многом говорил вдумчивому читателю.

Сегодня требуется новое осмысление крыловских басен и стоящих за ними значимых духовно-нравственных вопросов, тесно связанных с социальным бытием, с событиями быстротекущей жизни. Будучи жанром, обращённым к вечным человеческим противоречиям внутреннего мира личности, и самым общим принципам социального поведения, басня неизбежно отражает не только закономерности человеческих свойств и наиболее значимые черты тех или иных социальных проблем, но в неменьшей мере выражает национальное сознание, тем более, что в данном случае речь идёт о поэте, вполне признанном выразителем русского духа.

В означенный период И. А. Крылов написал 67 басен. Причём, значительную часть — в 1816 г. Такая творческая активность имеет, разумеется, не только субъективные причины. Но привязывать те или иные басни к определённым историческим событиям — значило бы «домысливать» их содержание. Представляется более правильным, вскрывая общий смысл басен, соотносить его с теми значительными и очевидными общественными явлениями, которые отражали типические процессы или исторические сдвиги, определившие характерные черты национальной жизни того времени.

Крылов воплотил в своих баснях, говоря словами В. Г. Белинского, целую сторону русского национального духа. Русский характер, русский образ мыслей и выражений вполне воссоздан в его басенном творчестве. Его басни явились в известном смысле итогом представлений о русском народе, каков он есть в своей жизни и во взглядах на окружающий мир. В этом смысле все они — выражение русского национального мироотношения и самосознания.

Одною из ранних крыловских басен этого периода (апрель 1816 г.) стала басня «Безбожники». Нам это представляется не случайным. Вопрос веры и неверия достаточно остро вставал в то время, когда влияние западного вольномыслия стало сказываться более заметно, чем ранее. Этому способствовала и некоторая самонадеянность, охватившая русские умы после великой победы и то пристрастие к земному миру, которое было обострено наблюдаемой участниками похода относительной «цивилизованностью» западной жизни, и вообще — переключением сознания на мирские дела, которых хватало каждому русскому человеку после разорительного наполеоновского нашествия, и обильные соблазнами заграничные впечатления.

Так или иначе, извечно крепкая вера, к которой было причастно безусловное большинство русского народа, убеждение в том, что жить — Богу служить, что сколько не мудри, а Божьей воли не перемудришь; что Богу молиться — вперёд пригодится, — все эти и другие истины народной веры, запечатлённые в народном сознании, стали восприниматься не ревностно, а спокойнее и даже иногда скептически. Дурной пример был заразителен. О такой заразительности дурного, то есть безбожия, и повествует И. А. Крылов.

Первое условие безбожия — ожесточённость, свойство, возникшее от несмирения и воинственного отношения к миру, от гордыни ума. Поводов к такому движению в настроениях было более чем достаточно, особенно же учитывая «вольные» нравы западного мира. Внешняя брань с врагом, с ратью антихриста, ослабила внутреннюю сосредоточенность на укладе жизни и внутренней духовной брани православного человека; это ослабление внутреннего смирения давало пищу вольномыслию, приближалось ощущение самовольной независимости, превышающее чувство гражданского долга. Вот — настроение времени. Крылов уловил его. И предупредил о последствиях:

Был в древности народ,
к стыду земных племён,
Который до того в сердцах ожесточился,
Что противу богов вооружился... [Крылов: 34].

Такой оценкой автор словно предвосхищает исход этого ожесточения, но затем развёртывает в мирских образах сцену восстания народа и смятения, какое вызывает среди богов богоборчество:

Мятежные толпы, за тысячью знамён,
Кто с луком, кто с пращей, шумя, несутся в поле.
Зачинщики, из удалых голов,
Чтобы поджечь в народе буйства боле,
Кричат, что суд небес и строг и бестолков;
Что боги или спят, иль правят безрассудно;
Что проучить пора их без чинов... [Крылов: 34].

Эти богоборческие настроения окончательно ослепляют очи сердца, помрачают умы людские, и возникает страстное намерение и слепая уверенность,

Что, впрочем, с ближних гор камнями не трудно
На небо дошвырнуть в богов... [Крылов: 34].

Смятение на Олимпе и обращение богов за помощью к Зевсу (Юпитеру) с просьбой громовой защиты от восставших толп завершается олимпийски спокойным его ответом:

«Пождём, —
Юпитер рек. — А если не смирятся
И в буйстве прекоснят, бессмертных не боясь,
Они от дел своих казнятся» [Крылов: 35].

И неизбежное совершается: тучи стрел и камней «от войск богомятежных» низвергаются на головы богоборцев «с тысячью смертей, и злых и неизбежных». Мораль басни, предостерегающая от трагического финала растущих в обществе настроений, несёт пророчески обобщающий смысл:

Плоды неверия ужасны таковы;
И ведайте, народы, вы,
Что мнимых мудрецов кощунства толки смелы,

Чем против божества вооружают вас,
Погибельный ваш приближают час,
И обратятся все в громовые вам стрелы [Крылов: 35].

Не менее определённо была высказана в басенном творчестве И. А. Крылова мысль о пагубности вольномысленных идей в устройении державной России. Писатель видел спасение в её традиционности и укоренённости в предании. Осознавая связь между неколебимостью самодержавной власти и прочностью устройства современной ему православной державы, писатель ощущал большую опасность в распространении либерализма западного толка, придерживаясь народной мудрости и по-народному считая, что на вожжах и лошадь умна, что хвост голове не указка, что без Бога свет не стоит, без царя земля не правится, наконец, будучи убеждён, что время, когда можно будет установить иной порядок, не настало, и ныне необходимо защищать идею «строго государственного правления, сильной руки». Ведь при всём духовном свободомыслии, свойственном русскому национальному сознанию, оно неотделимо от убеждённости, что вольному воля,ходячему путь; что волю дать — добра не видать, что воля портит, а неволя учит... Так или иначе, ощущение трезвой сдержанности при очередных мыслях о свободе в обществе было сопряжено с чувством народной осмотрительности, народной убеждённости, что, мол, крутая обочина недолго стоит; так гни, чтобы гнулось, а не так, чтоб лопнуло; не радуйся под гору: подъём круче...

В 1816 г. Крылов пишет басню «Конь и всадник», выразившую одну из типических сторон народного взгляда на власть и вольность. Это сознание отражено в наглядном басенном сюжете. Всадник приучил коня к безусловному послушанию, и тот «слушался его лишь слов». Но как только, надеясь на это послушание, «в поле выехав узду с коня он снял» —

Почувствовав свободу,
Сначала конь прибавил только ходу
Слегка,
И вскинув голову, потряхивая гривой,
Он выступкой пошёл игривой,
Как — будто теша седока.

Но, сменя, как над ним управа не крепка,
Взял скоро волю конь ретивый,
Вскипела кровь его и разгорелся взор;
Не слушая слов всадниковых боле,
Он мчит во весь опор
Чрез всё широко поле... [Крылов: 116].

Ни слова, ни действия всадника теперь не оказывают на разнузданного коня никакого влияния, и он в конце концов сбрасывает седока, а сам «как буйный вихрь, пустился, / Не взвидя света и дорог, / Поколь в овраг со всех махнувших ног, / До смерти не убился...». Так, мнимая безграничная свобода приводит к двойной утрате: гибнет конь, символизирующий народ, и расширяется всадник...

Мораль басни высказана прямо и решительно:
Как ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мера не дана [Крылов: 117].

Взгляд на благодатную жизнь как на бытие, основанное на разумной мере, убеждённость в том, что многого захочешь — последнее потеряешь, лишнее пожелать — последнее потерять, а завидующие глаза не знают стыда, что искушение на грех наводит, а от одного яблока воз загнивает — всё это вырабатывало особый взгляд на события и обстоятельства российской жизни, взгляд, отражающий состояние национального сознания того времени, когда новые революционные идеи стали распространяться в русском обществе. Это были идеи, возбуждающие к недовольству, настраивающие на возмущение, на решительное отвержение современного государственного уклада во имя неясного будущего. Это были идеи вольности, забывающей о жизнеустроительной дисциплине. Влияние этих идей было очевидно; они проникали в сознание через утопические картины инобытия, через «бытовые привычки», вольности поведения, порождённые неизвестными и несоприродными русскому уму историческими обстоятельствами и чуждой православному взгляду протестантской морали. Их опасность ощущали многие. Национальная интуиция по отношению к

этим соблазнам нашла яркое выражение в басне И. А. Крылова «Сочинитель и Разбойник».

Содержание басни наглядно выражало её основную мысль и пафос: противостояние греху, возникающему через отрицание здравомыслия и добронравия. Одновременно представшие на суд в загробном мире грабитель, промышлявший по большим дорогам, и «славою покрытый Сочинитель», который «тонкий разливал в своих твореньях яд», немедля предаются наказанию. Под котлом с Разбойником Мегера разжигает «такой ужасный пламень / Что трескаться стал в сводах адских камень». Между тем

Суд к сочинителю, казалось, был не строг:
Под ним сперва чуть тлелся огонёк,
Но там, чем далее, тем боле разгорался;
Вот веки протекли, огонь не унимался.
Уж под Разбойником давно костёр погас;
Под Сочинителем он злей с часу на час... [Крылов: 179].

И стоило только сочинителю возвысить свой голос против будто бы несправедливого Божьего наказания, как перед ним является служительница преисподней «с шипящими между волос змеями / С кровавыми в руках бичами» и, обращаясь к казнимому, обличает его нераскаянные грехи.

Грехи эти продолжают распространяться и увеличивают год от года количество вновь возникающих и разрастающихся зол среди человечества. Ибо зло, согласно мысли народной, рождается о лжи и зла, а грешному путь лишь вначале широк, а после крут; ведь соблазн, как язва, поражает и человеческую душу; зло распространяется, как пожар, а соблазнитель совершают двойной грех: они, кроме собственного порока, приводят к нему ещё других.

Ведь единственное средство избежать зла — это отвращать от него слух и зрение. Если разбойник-душегубец, совершив злодеяния при жизни, исчерпал им счёт, Сочинитель, который «вселял безверие, укоренял разврат» и по смерти продолжает сеять семена зла, в чём и обвиняет его Мегера, показывая, к чему ведёт чтение его соблазнительных произведений:

Вот дети, стыд своих семей,
Отчаянье отцов и матерей:
Кем ум и сердце в них отравлены? — Тобою.
Кто, осмеяв как детские мечты,
Супружество, начальство, власти,
Им причитал в вину людские все напасти
И связи общества рвался расторгнуть? — Ты.
Не ты ли величал безверье просвещеньем?
Не ты ль в приманчивый, в прелестный вид облёк
И страсти и порок?

Как следствие всего этого — «целая страна», свидетельствует Мегера о Сочинителе, —

Полна
Убийствами и грабежами,
Раздорами и мятежами
И до гибели доведена тобой!
В ней каждой капли слёз и крови ты виной [Крылов: 180].

Таким образом «казни мера» оказывается вполне достойна Сочинителя, тем более, что поток зол, происходящих от его сочинений, — не убывает... Итак, басня эта столь же злободневна, как и предшествующие. Вольномысленное влияние западной цивилизации, и прежде всего вольтерьянства, романтический культ свободы, а иногда даже поэтически отождествляемого с ней узурпатора и «антихриста» Наполеона, не утасяющие революционные настроения русского офицерства, а иногда недовольство солдат, вернувшихся из победоносного похода, рождали духовно-нравственные и политические колебания в обществе, приводящие не только к вольномыслию, но и к повреждению сословных нравов. И эти размышления не могли быть безопасны для внутреннего, да и в конечном счёте межгосударственного положения страны.

В условиях кипения общественного вольномыслия мнения об этой басне были различны. Если Н. И. Тургенев в 1817 г. на январском заседании Публичной библиотеки назвал её «лучшим плодом библиотеки», то П. А. Вяземский в 1824 г., отвечая настроениям разливающегося в

обществе либерализма, называет басню эту подлой, считает её угождением нынешнему мнению (вероятно, официальному — В. Т.) и пишет, что басня эта ему тошна.

Однако же национально-исторический взгляд на события в целом совпадал именно с тем, что было выражено И. А. Крыловым. Национально-православное представление о человеке и мире, — всё блёстками мыслей-убеждений отражалось в его басенном творчестве второй половины 1810-х гг. Здесь, что ни басня, то картина, отражающая национальный взгляд на вещи.

Список литературы

1. Аврамов Матф<ей>. Глас Европы при вероломном вступлении на берега Франции врага всемирный и втроекратном похищении её престола клятвопреступной дерзостью в 1815 г. М.: Университет. тип., 1815. 50 с.
2. Батюшков К. Н. Мой гений // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. 608 с.
3. Вигель Ф. Ф. Записки; ред. и вступительная ст. С. Я. Штрайха. М.: Круг, 1928. 387 с.
4. Вяземский П. А. Итальянцу, возвращающемуся из России // Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, изданные Обществом любителей отечественной словесности. Часть четвёртая. СПб., 1816.
5. Глинка Ф. Н. Стихи на 23 ноября // Сын Отечества. 1817. № 48. С. 117–118.
6. Долгоруков И. М. Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукаго: в 4 ч. М.: Университ. тип., 1817–1818. Ч. 1. 241 с.
7. Жуковский В. А. Собр. соч.: в 4 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1959–1960. Т. 1. 480 с.
8. Забелин И. Е. Дневники. Записные книжки. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 383 с.
9. Катенин П. А. Отечество наше страдает. URL: <http://stih.su/otechestvo-nashe-stradaet> (дата обращения: 23.07.2019).
10. Крылов И. А. Басни: в 9 кн. М.-Л.: Акад. Наук СССР, 1956. 635 с.
11. Кубенский А. (Рачинский А. В.) Император Александр I — победитель в первой глобальной войне // Щербатово (Марьино). Православный историко-краеведческий альманах. Вып. 1(6). М., 2001. С. 87–98.
12. Лобанов М. Элегия при гробе князя Смоленского // Сын Отечества. 1816. № 15. С. 106.
13. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Л.: Наука, 1977. 480 с.
14. Раевский В. Прощание воина с милой // Сын Отечества. 1816. Ч. 4. С. 89.
15. Свинын П. Письмо к брату из Хотина // Сын Отечества. 1916. № 29. С. 142.
16. Срезневский И. Благодарение Всевышнему, даровавшему победу на всеобщего врага // Украинский вестник. 1816. Ч. 2. Апрель. Харьков. С. 74, 75.
17. Ячменихин К. М. Алексей Андреевич Аракчеев. Российские консерваторы. М., 1997. С. 40.

References

1. Avramov Matf<ei>. *Glas Evropy pri verolomnom vstuplenii na berega Frantsii vruga vsemirnyia i vtrokratnom pokhishchenii ee prestola kliatvoprestupnoi derzost'iu v 1815 g.* [The voice of Europe during the treacherous entry of the enemy of France on the shores of France and the abduction of her throne three times by an oath of insolence in 1815]. Moscow, Universitet. tip. Publ, 1815. 50 p. (In Russ.)
2. Batiushkov K. N. *Moi genii* [My genius]. Batiushkov K. N. *Opyty v stikhakh i proze* [Experience in poetry and prose]. Moscow, Nauka Publ, 1977. 608 p. (In Russ.)
3. Vigel' F. F. Zapiski; red. i vstupitel'naia st. S. Ia. Shtraikha [Notes; ed. and introductory article S. Ya. Streich]. Moscow, Krug Publ, 1928. 387 p. (In Russ.)
4. Viazemskii P. A. *Ital'iantu, vozvrashchaiushchemusia iz Rossii // Sobranie obraztsovykh russkikh sochinenii i perevodov v stikhakh, izdannye Obshchestvom liubitelei otechestvennoi slovesnosti. Chast' chetvertaia* [The Italian returning from Russia. Collection of exemplary Russian works and translations in verse, published by the Society of lovers of Russian literature. Part four]. St. Petersburg, 1816. (In Russ.)
5. Glinka F. N. *Stikhi na 23 noiabria* [Poems for November 23]. *Syn Otechestva* [Son of the Fatherland]. 1817. № 48. pp. 117–118. (In Russ.)
6. Dolgorukov I. M. *Bytie serdtsa moego, ili Stikhotvoreniia kniazia Ivana Mikhailovicha Dolgorukago: v 4 ch* [Genesis of my heart, or Poem by Prince Ivan Mikhailovich Dolgorukago: at 4 part]. Moscow, Universit. tip Publ., 1817–1818. Ch. 1. 241 p. (In Russ.)
7. Zhukovskii V. A. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Coll. Works in 4 vols.] Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ, 1959–1960. Vol. 1. 480 p. (In Russ.)
8. Zabelin I. E. *Dnevnik. Zapisnye knizhki* [Diaries. Notebooks]. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh Publ, 2001. 383 p. (In Russ.)
9. Katenin P. A. *Otechestvo nashe stradaet* [Our fatherland is suffering]. URL: <http://stih.su/otchestvo-nashe-stradaet> (access date: 23.07.2019). (In Russ.)
10. Krylov I. A. *Basni: v 9 kn.* [Fables in 9 books]. Moscow, Akad. Nauk Pudl, 1956. 635 p. (In Russ.)
11. Kubenskii A. (Rachinskii A. V.) *Imperator Aleksandr I — pobeditel' v pervoi global'noi voine* [Emperor Alexander I — winner in the first global war] *Shcherbatovo (Mar'ino). Pravoslavnyi istoriko-kraevedcheskii al'manakh* [Shcherbatovo (Maryino). Orthodox historical and local history almanac] .Vol. 1(6). Moscow, 2001. pp. 87–98. (In Russ.)
12. Lobanov M. *Elegiia pri grobe kniazia Smolenskogo* [Elegy at the tomb of Prince Smolensky]. *Syn Otechestva* [Son of the Fatherland]. 1816. № 15. pp. 106 (In Russ.)
13. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* [Complete Works: in 10 vols.] Vol. 1. Leningrad: Nauka Publ, 1977. 480 p. (In Russ.)
14. Raevskii V. *Proshchanie voina s miloi* [Farewell of a warrior with a sweetheart]. *Syn Otechestva* [Son of the Fatherland]. 1816. Part. 4. P. 89. (In Russ.)
15. Svin'in P. *Pis'mo k bratu iz Khotina* [Letter to brother from Khotyn]. *Syn Otechestva* [Son of the Fatherland]. 1916. № 29. P. 142. (In Russ.)
16. Sreznevskii I. *Blagodarenie Vsevyshnemu, darovavshemu pobedu na vseobshchego vruga* [Thanksgiving to the Almighty, who granted victory to the universal enemy]. *Ukrainskii vestnik* [Ukrainian Herald], 1816. Ch 2. April. Khar'kov. P. 74, 75. (In Russ.)
17. Iachmenikhin K. M. *Aleksei Andreevich Arakcheev. Rossiiskie konservatory* [Alexey Andreevich Arakcheev. Russian conservatives]. Moscow, 1997. P. 40. (In Russ.)